572
К-89
1747
ПРОВ. 1957
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР
381
57
ПРОВЕРЕНО 1936 г.
ПОГАШЕНО
МОСКВА
572
К-89
Ин-та ... языка
МО. яз. ... СССР
23143

Погребальныя маски, ихъ употребленіе и значеніе.

I.

Районы распространенія масокъ. Назначеніе современныхъ масокъ. Эволюція и классификація масокъ: собственно маски (пассивныя, активныя, обыденныя и погребальныя), маскеты (полумаски) и маскоиды. Поводъ къ появленію настоящей статьи. Мнѣнія ученыхъ о погребальныхъ маскахъ. Перечень мѣстонахожденій погребальныхъ масокъ (Египетъ, Микены, о-въ Кипръ, Этрурія, долина Евфрата, территорія Римской имперіи; Перу и Мексика; колюжи и алеуты, *mounds* Сѣв. Америки; Керчь и Ольвія, Сибирь). Маски на похоронныхъ торжествахъ у дикарей и древнихъ римлянъ. Священное и волшебное значеніе маски. Связь погребальной маски съ представленіями о душѣ и загробными вѣрованіями. Понятіе о душѣ у Гомера; «душа» у Аристотеля, индусовъ, караибовъ, китайцевъ; у Моисея, пиѳагорейцевъ и Діогена Лаэрція. Могила—второе послѣ загробнаго міра мѣстопребываніе души. Вѣра въ предстоящее воскресеніе и заботы о сохраненіи трупа. Бальзамированіе у египтянъ; *ка*—душа египтянина; значеніе статуэтокъ. Бальзамированіе у персовъ и скиѳовъ. Каменныя бабы; мнѣніе г. Ивановскаго о назначеніи ихъ. Погребальныя «лицевыя урны» въ Этруріи и Помераніи.

2
ФБОН

Маска въ наше время, какъ извѣстно, служитъ лишь для того, чтобы прикрыть лицо и сдѣлать его неузнаваемымъ. Употребленіе масокъ въ повседневной жизни хотя и не восходитъ ко временамъ отдаленной древности, но все-таки имѣетъ за собою многовѣковую давность. По словамъ *Rich. Andree* [1]), извѣстнаго этнографа, въ настоящее время суще-

[1]) Ethnographische Parallelen und Vergleiche. Stuttgart. 1889. 8°.

ствуетъ нѣсколько крупныхъ районовъ, или поясовъ употребленія масокъ: a) въ Восточной Азіи — Сіамъ, Бирма, Малайскій архипелагъ, Китай и Японія, гдѣ маски во всеобщемъ употребленіи; b) Меланезія и c) сѣверозападный берегъ Америки, откуда маски распространились на большую часть континента: въ Новую Мексику и по теченію р. Аризоны, къ индѣйцамъ штата Орегонъ, къ тлинкитамъ (или эскимосамъ) крайняго сѣвера, къ алеутамъ (инкуитамъ) на о-вахъ Аляскѣ и Кадьякѣ, по рѣкамъ Юкону и Кускоквиму, по Берингову проливу до мыса Баррова и встрѣчаются, наконецъ, у ирокезовъ. Всюду въ Америкѣ среди малокультурныхъ племенъ маски играютъ большую роль, особенно маски звѣрообразныя. Неоднократно констатировано также путешественниками употребленіе масокъ среди чернокожихъ Африки. Но *Andree* опустилъ въ перечнѣ своемъ упомянуть объ употребленіи масокъ у монголо-бурятъ, сѣверо-востокъ Европы и сѣверо-западъ Азіи, гдѣ маски въ употребленіи у самоѣдовъ и остяковъ.

Современное намъ назначеніе масокъ видоизмѣняется, смотря по мѣстности, а самая классификація ихъ довольно трудна, хотя вообще маски можно раздѣлить на богослужебныя, военныя, погребальныя и театральныя; употребляются также маски при отправленіи правосудія и особенно при народныхъ увеселеніяхъ и танцахъ. Маски столь разнообразны, что никоимъ образомъ нельзя угадать ихъ назначенія, если разсматривать ихъ на полкахъ музея, а не въ процессіи или въ дѣйствіи.

По мнѣнію американскаго ученаго *Дэлля* (Dall) [1]), первоначальное назначеніе маски состояло въ защитѣ лица отъ физическаго насилія, съ чѣмъ довольно трудно согласиться. Маска дѣлалась съ такимъ разсчетомъ, чтобы она,

---

[1]) См. литературу предмета въ началѣ главы II.

будучи прикрѣплена къ головѣ, удобно прикрывала лицо, не стѣсняя ни дыханія, ни зрѣнія; для этого противъ глазъ, носа и рта устраивались отверстія, а затылокъ имѣлъ особое прикрытіе.

Эволюція маски представляется Дэллю въ такомъ видѣ. Онъ различаетъ:

I) *собственно маски*, развившіяся постепенно въ шлемъ; первоначально маски эти только отвѣчали своему прямому назначенію, а орнаментація ихъ появилась уже позднѣе. Въ этомъ отдѣлѣ масокъ слѣдуетъ различать:

a) *маски пассивныя*, назначенныя исключительно для защиты лица.

b) *маски активныя*, назначеніе которыхъ—производить на окружающихъ ужасающее дѣйствіе; въ той или иной формѣ маски эти символизируютъ сверхчеловѣческое могущество, приближая человѣка къ божеству доброму или злому: таковы маски шамановъ и жрецовъ вообще.

c) особенную совершенно группу составляютъ маски, употребляемыя туземцами въ обыденной жизни: въ танцахъ, театральныхъ представленіяхъ и семейныхъ торжествахъ. Наконецъ послѣднюю группу въ этомъ отдѣлѣ составляютъ.

d) *маски погребальныя*, всего чаще у первобытныхъ народовъ примыкающія къ маскамъ активнымъ. Здѣсь мы видимъ слабый пунктъ системы Дэлля, такъ какъ онъ съ большимъ удобствомъ могъ бы соединить эту группу масокъ съ группой *b*. Кромѣ того погребальныя маски портретнаго характера остаются внѣ классификаціи Дэлля.

II) *Маскеты*, или полумаски, совсѣмъ безъ отверстій или же только съ отверстіями для глазъ. Употребляются исключительно въ народныхъ увеселеніяхъ, почему чаще всего украшаются разнообразными пестрыми привѣсками: раковинами, лентами, кистями и пр.

III) *Маскоиды*—цѣльныя, рѣзныя изъ дерева или терракоттовыя головы, или же головы въ видѣ шарообразнаго мѣшка, набитаго травой, передняя часть котораго размалевана на подобіе лица. Деревянныя и терракоттовыя головы точно также раскрашивались [1]).

Если два первыхъ отдѣла встрѣчаются теперь во всѣхъ выше перечисленныхъ мѣстностяхъ, то маскоиды найдены досихъ поръ лишь въ древнихъ погребеніяхъ Перу и носятъ преимущественно символическій, сверхчеловѣческій характеръ. Единственною аналогіей перуанскихъ маскоидовъ является маскоидъ, найденный *А. В. Адріановымъ* въ 1903 г. въ Сибири, на берегу Енисея, въ Минусинскомъ округѣ, вмѣстѣ съ стоявшими по угламъ погребальной камеры кургана гипсовыми масками. Собственно эта послѣдняя находка вызвала появленіе нашей статьи, разросшейся изъ замѣчаній, сдѣланныхъ послѣ доклада г. Адріанова въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ обществѣ (24 февраля 1904 г.), ибо о первой находкѣ г. Адріановымъ погребальныхъ гипсовыхъ масокъ (въ 1883 г.) имѣются въ печати крайне смутныя свѣдѣнія, тогда какъ оба эти случая имѣютъ громадное значеніе для археологіи Сибири.

Изъ всѣхъ намѣченныхъ выше группъ я останавливаюсь только на погребальныхъ маскахъ, въ виду нахожденія ихъ на югѣ Россіи—въ Керчи и Ольвіи, и дважды въ Сибири найденныхъ г. Адріановымъ.

По общему мнѣнію этнологовъ, выведенному изъ наблюденій надъ малокультурными племенами, смыслъ погребальныхъ масокъ сводится къ тому, что умершій, дабы благополучно пробраться въ загробный міръ, долженъ, съ помощью маски, обмануть адскихъ стражей, или — вѣрнѣе — умершій, имѣя на лицѣ маску ужасающаго вида, можетъ самъ наводить

---

[1]) *Dall.* On masks etc. Pag. 93.

страхъ на демоновъ, встрѣчающихся на загробномъ пути, и такимъ образомъ безъ помѣхи подвигаться впередъ, пока не достигнетъ цѣли. Характеръ этого представленія чрезвычайно наивенъ: дѣйствуя на чувства окружающихъ чисто подѣтски, т. е. привлекательно или отталкивающимъ, даже ужасающимъ образомъ, маска тѣмъ самымъ какъ бы ручается за очень раннее свое появленіе и объясняетъ въ значительной мѣрѣ свое дальнѣйшее широкое распространеніе. Это, такъ сказать — устрашительное или волшебное значеніе маски выставлялось археологами еще раньше, когда пытались объяснить значеніе страшныхъ театральныхъ масокъ (*ἀποτρόπαια*), чаще всего съ лидомъ Горгоны (Медузы), масокъ, встрѣчавшихся въ изобиліи въ гробницахъ греческихъ, этрусскихъ и римскихъ гробницахъ позднѣйшаго времени.

Погребальныя маски кромѣ Египта, гдѣ онѣ встрѣчены всего раньше, найдены въ *Микенахъ* (Шлиманномъ) [1]), на *о-вѣ Кипрѣ* (Чеснолой) [2]), въ долинѣ Евфрата—въ *Куюнджикѣ и Халеби-Челеби* (Лейярдомъ) [3]) и очень часто попадались на территоріи Римской имперіи вообще; въ *Перу* найдены цѣлыя искусственныя головы изъ дерева и терракоты или же набитыя листьями [4]); въ *Мексикѣ* [5]) найдены маски изъ яшмы, гончарныя и даже изъ обсидіана; въ XVIII и началѣ XIX вв. очень много масокъ собрано у колюжей и алеутовъ (въ бывшихъ русскихъ сѣвероамериканскихъ владѣніяхъ), которые хоронили своихъ шамановъ и вождей въ горныхъ пещерахъ въ сидячемъ положеніи, съ масками ужаснаго вида на лицѣ; въ такъ называемыхъ сѣвероамери-

---

[1]) *Schliemann.* Mycènes. Paris. 1879. gr. 8°. Pages 371—417.

[2]) *Di Cesnola.* Cypern. Jena. 1879. 8°.

[3]) *Layard.* Niniveh und seine Ueberreste. 1854. 8°.

[4]) *Squier.* Peru. 1883. 8°.

[5]) *Dupaix,* Antiquités Mexicaines. Paris. 1834. Folio.

канскихъ *mounds* (погребальныхъ насыпяхъ причудливой формы, въ видѣ змѣй, животныхъ и т. п.) найдены маски изъ створокъ крупныхъ раковинъ; на югѣ Россіи—*въ Керчи и Ольвіи*—найдены золотыя маски, наконецъ въ такъ называемыхъ „чудскихъ“ погребеніяхъ (хотя терминъ этотъ никуда не годится и вноситъ лишь туманъ въ изслѣдуемый нами вопросъ) бронзовой эпохи *въ Сибири* г. Адріановъ дважды нашелъ гипсовыя маски.

Маски служили не только частью могильнаго инвентаря покойника, но употреблялись и живыми на погребальныхъ праздникахъ. Такъ, ихъ еще теперь употребляютъ въ подобныхъ случаяхъ негры Камеруна, колюжи, алеуты и туземцы о-ва Таити. Въ Камерунѣ наряженный въ такую маску танцуетъ, представляя самого усопшаго или ангела смерти; у таитянъ жрецъ или родственникъ покойнаго въ причудливой маскѣ изображаетъ послѣдняго, испуская страшныя завыванія и сильно жестикулируя; еще не такъ давно толпа родственниковъ, размалеванныхъ въ красные и бѣлые цвѣта, сопровождая замаскированнаго жреца, убивала всякаго, кто попадался навстрѣчу, какъ бы отмщая такимъ образомъ за обиды, полученныя покойникомъ при жизни. Но особенно широко развито было употребленіе погребальныхъ масокъ у римлянъ. Еще на зарѣ своей исторіи римляне употребляли маски изъ древесной коры или ивовыхъ прутьевъ, празднуя окончаніе уборки винограда; одинъ этотъ фактъ говоритъ противъ предположенія Дэлля, что маска развилась изъ прикрытія для защиты лица. На римскихъ похоронахъ наемный актеръ, въ костюмѣ умершаго и съ маской на лицѣ, представлялъ возможно правдоподобнѣе фигуру и походку почившаго; слѣдуя впереди погребальной колесницы, онъ произносилъ любимыя фразы покойника. Этотъ древне-римскій обычай стоитъ совершенно особнякомъ, безъ всякихъ аналогій.

Нужно замѣтить, что у первобытныхъ народовъ маска есть въ нѣкоторомъ родѣ предметъ священный, что подтверждается также употребленіемъ масокъ въ древнѣйшихъ религіозныхъ культахъ Греціи и Рима. Обычно маска служила жрецу для изображенія божества, какъ это теперь замѣчается у бурятъ; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нѣкоторыхъ функцій замаскированнаго божествомъ лица можно заключить, что маска имѣетъ волшебное значеніе—даровать ея носителю сверхъестественныя свойства или, по крайней мѣрѣ, маскѣ приписывается это свойство. Исходя изъ такого взгляда на маски, нетрудно допустить, что примѣненіе погребальныхъ масокъ можно толковать, какъ простѣйшій способъ сопричислить покойника къ сонму божествъ и помочь ему, такимъ образомъ, достигнуть безсмертія. Стало быть, у грековъ и варваровъ мы находимъ одну и ту же идею, только способы ея выраженія по всему міру различны.

Но если мы обратимся къ загробнымъ вѣрованіямъ, то изъ нихъ можемъ почерпнуть наиболѣе убѣдительное объясненіе значенія погребальныхъ масокъ. На самыхъ раннихъ ступеняхъ своего развитія человѣкъ допускалъ существованіе *души*, какъ чего-то особаго отъ тѣла; когда тѣло становилось бездыханнымъ, дѣлаясь затѣмъ добычей тлѣнія, душа продолжала вѣчно существовать, какъ божественная сущность человѣческаго организма. Часто принималось, что въ организмѣ человѣческомъ заключается не одна душа, а нѣсколько, какъ бы сообразно числу свойствъ и проявленій человѣческаго духа. У грековъ въ эпоху Гомера было обиліе словъ для выраженія понятія „душа“: кромѣ *ψυχή* были еще *φρήν*, *ἦτορ*, *κραδίη*, *στῆθος*, *νόος*, *θυμὸς*, *μένος*, но безсмертіе свойственно было только одной изъ нихъ,—*ψυχῆ*, и ее-то именно сопровождалъ въ Аидъ—темное подземное царство, находящееся гдѣ-то за океаномъ, на далекомъ западѣ—Гермесъ *ψυχοπόμπος*. Въ Аидѣ душа бродила подъ видомъ тѣни (*σκιά*, umbra), едва видимой, сохраняющей слабое подобіе (*εἴδωλον*) человѣка, но неосязаемой

для живыхъ. Знаменитый Аристотель допускалъ три души: растительную, чувственную и разумную; индусы насчитывали цѣлыхъ шесть душъ, а современные карайбы—ровно столько, сколько насчитывается въ человѣческомъ организмѣ пульсирующихъ жилъ. Китайцы допускаютъ для человѣка двѣ души—матеріальную (*хуэн*), которая умираетъ съ тѣломъ, и духовную (*лин*), которая безсмертна, но Моисей, пиѳагорейцы и Діогенъ Лаэрцій признавали одну душу, и эта душа заключалась въ крови человѣка, вѣрнѣе—душа есть кровь.

Гдѣ бы ни была помѣщена душа по смерти, могила, въ которую трупъ положенъ для погребенія, покрытая болѣе или менѣе высокою насыпью, рисуется у всѣхъ почти народовъ, какъ мѣсто очень родственное загробному міру, а у народовъ менѣе культурныхъ—какъ постоянное мѣстопребываніе души, и для послѣдней нѣтъ иного выхода на землю, какъ чрезъ эту могилу.

Такъ какъ большинство народовъ вѣруетъ въ воскресеніе, т. е. вторичное возрожденіе тѣла и соединеніе его съ душой въ отдаленномъ будущемъ, то понятны заботы, прилагавшіяся у нѣкоторыхъ народовъ (египтяне, перуанцы) для сохраненія трупа на возможно болѣе продолжительное время, для чего послѣдній подвергался бальзамированію, которое извѣстно было даже скиѳамъ, а въ простѣйшемъ видѣ практиковалось у очень многихъ народовъ.

Наибольшую заботу о сохранности трупа прилагали египтяне, придумавшіе, еще въ эпоху VI династіи [1]), совершеннѣйшій способъ бальзамированія, который состоялъ въ томъ, что головной мозгъ частью извлекался черезъ носъ,

---

[1]) Древнѣйшая изъ доселѣ найденныхъ *мумій* («мумія» по-арабски значитъ *асфальтъ*, потому что арабы обратили вниманіе на запахъ смолы и черный цвѣтъ большинства мумій) открыта въ 1881 г. и принадлежитъ *Сокаремсафу*, сыну фараона VI династіи Пепи I.

частью растворялся съ помощью извѣстныхъ жидкостей; всѣ внутренности вынимались, полость живота промывалась пальмовымъ виномъ, натиралась благовоніями, наполнялась растертою смирною. касоею (Amomis acris) и другими ароматами, кромѣ ладана, а потомъ зашивалась. Затѣмъ трупъ помѣщался на семьдесятъ дней въ самородную щелочную соль; по истеченіи этого срока трупъ вынимался, подвергался тщательному обмыванію и пеленался бинтами изъ узкихъ полотняныхъ полосъ, намазанныхъ растворомъ камеди. Помѣщенный потомъ въ изящный расписной саркофагъ, набальзамированный трупъ выдавался родственникамъ, которые ставили его въ могильномъ склепѣ (*Геродотъ*, II, 86). Другіе, простѣйшіе способы бальзамированія заключались въ томъ, что внутренности съ помощью клистирной трубки наполнялись кедровымъ (*ibid.*, II, 87) или рѣдечнымъ масломъ (*ibid.*, II, 88), а потомъ трупы клались на семьдесятъ дней въ соль. Вмѣстѣ съ мумією въ склепъ помѣщались любимыя вещи покойнаго, а также нѣсколько статуэтокъ (до 1 метра высоты, но чаще значительно меньше), болѣе или менѣе точно изображавшихъ умершаго. Дѣлалось это про запасъ, на тотъ случай, чтобы душа египтянина могла при воскресеніи вселиться въ эту копію своего тѣла, если бы мумія какимъ-нибудь образомъ утратилась. Для облегченія душѣ возможности находить свое тѣло, соблюдалось точное портретное сходство въ изображеніи лица покойника, какъ на маскѣ и статуэткѣ, такъ и на крышкѣ саркофага. Статуарныя изображенія покойника не слѣдуетъ смѣшивать съ другими статуэтками, держащими въ рукахъ различные инструменты и орудія: это—*ушебти* („отвѣтчики“, или замѣстители), мужскія и женскія куклы рабовъ, долженствующихъ на томъ свѣтѣ исполнять за покойника всевозможныя работы [1]).

---

[1]) См. по этому вопросу статью *Pietschmann*'а въ Zeitschr. f. Ethnologie, Bd. X, Seite 155 und folg.

Душа египтянина *ka* (то-же, что у римлянъ *umbra*, у грековъ *εἴδωλον*), отдѣлившись отъ тѣла, продолжала существовать какъ бы въ видѣ двойника: она состояла изъ прозрачнаго, подобнаго воздуху вещества, и вполнѣ отвѣчала полу и возрасту умершаго. Эта *ka* для своего загробнаго существованія нуждалась въ предметахъ домашняго обихода, въ рабахъ, въ пищѣ и питьѣ, при чемъ послѣднія періодически предлагались покойнику [1]).

Но, не смотря на столь рѣзко выраженную заботу о сохраненіи трупа, египтяне только въ ѳиванскую эпоху открыли усовершенствованный способъ бальзамированія; мумій же отъ древняго мемфисскаго царства не сохранилось въ саркофагахъ: тамъ встрѣчается только прахъ, слабые остатки тканей и коричневаго цвѣта кости со смолистымъ запахомъ [2]).

Бальзамированіе у древнихъ персовъ не шло дальше простого покрытія трупа воскомъ, предохранявшимъ этотъ трупъ отъ разложенія на короткое время (*Геродотъ*, I, 140).

Скиѳы употребляли далеко не совершенный способъ бальзамированія, когда хоронили своихъ царей. Разрѣзавъ у покойника животъ, они вынимали внутренности, наполняли полость толченымъ купероиъ (очевидно — *Siler trilobum*), сѣменами сельдерея и аниса, потомъ сшивали, а сверхъ того покрывали трупъ воскомъ. Въ такомъ видѣ трупъ возили по всѣмъ скиѳскимъ племенамъ для поклоненія въ теченіе очень долгаго времени и наконецъ погребали въ странѣ герровъ. (*Геродотъ*, IV, 71). Благодаря столь простымъ пріемамъ бальзамированія, трупъ сохранялся недурно; даже тѣла простыхъ скиѳовъ, безспорно бальзамированныхъ не столь тща-

---

[1]) *Maspero.* Histoire des âmes. Paris. 1880. 8°. Page 819.

[2]) *Perrot et Chipiez.* Geschichte der Kunst im Alterthum. I. Aegypten. Leipzig. 1884. 8° lex. Seite 139. Anmerkung.

тельно, какъ трупы царей, можно было развозить въ теченіе сорока дней по роднымъ и знакомымъ. (*Геродотъ*, IV, 73). При такой заботѣ скиѳовъ о сохраненіи трупа, для насъ неудивительно будетъ нахожденіе погребальныхъ масокъ въ скиѳскихъ могилахъ, ибо маски эти, появившись позднѣе эпохи Геродота, только подчеркиваютъ тотъ фактъ, что у скиѳовъ были довольно опредѣленныя воззрѣнія на загробное существованіе души и на воскресеніе тѣла.

Имѣя въ виду вышеизложенную связь маски съ загробными вѣрованіями, бросимъ теперь взглядъ на грубую погребальную пластику отдаленныхъ восточныхъ народовъ. Такъ называемыя *каменныя бабы*, представляющія собою уродливыя изваянія мужчинъ и женщинъ, часто стоящія на вершинѣ кургановъ, встрѣчаются на огромномъ пространствѣ— отъ подножія Алтая и отъ истоковъ Енисея и Оби до Волги, Каспійскаго и Чернаго морей. Много ихъ попадается въ донскихъ степяхъ и по Азовскому морю, въ степяхъ—Запорожья, наконецъ, хотя нечасто — въ Галиціи [1]). Эти— иногда колоссальныя—фигуры сидятъ или стоятъ; изваяны онѣ голыми или въ одеждѣ и полномъ вооруженіи, и часто держатъ въ рукахъ нѣчто въ родѣ кубка, а иногда—птицы. До сихъ поръ еще спорный вопросъ, когда и какой народъ воздвигалъ ихъ. На VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ г. *Ивановскій* сообщилъ, что западные монголы—торгоуты рядомъ съ погребеніемъ покойниковъ сохранили и трупосожженіе. Такъ, напр., они сожигаютъ лицъ духовнаго званія, своихъ хановъ и начальниковъ и особенно почитаемыхъ при жизни лицъ. Женщины сожигаются крайне рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ (напр., сожженъ былъ трупъ женщины, имѣвшей 28 дѣтей). Если трупъ предается сожженію,

---

[1]) См. статью *Bezzenberger*'а въ Sitzungsberichte d. Alterthumsgesellschaft Prussia, Bd. XVII, и таблицы I—V, гдѣ даны рисунки этихъ бабъ.

то пепелъ смѣшиваютъ съ глиной, приготовляютъ изъ этой смѣси фигуру покойника и выставляютъ ее на мѣстѣ сожженія. Прежде торгоуты дѣлали подобныя фигуры изъ камня, но послѣ одного землетрясенія, по совѣту торгоутскаго богатыря *Меркыта*, перешли отъ камня къ глинѣ. Каждая такая глиняная баба держитъ въ правой рукѣ сосудъ, въ который всыпается частица пепла. Пепелъ этотъ нуженъ будетъ въ свое время ангелу для воскрешенія мертваго. Когда воздвигались каменныя бабы, часть пепла, по словамъ г. Ивановскаго, сыпалась подъ основаніе, другая— въ сосудъ, находящійся въ рукахъ бабы.

Мнѣ думается однако, что мудрено было всыпать хотя бы частицу пепла въ кубокъ, находящійся въ рукахъ каменной бабы: большею частью кубки эти представляютъ грубое рельефное изображеніе, безъ всякаго углубленія въ верхней части. Далѣе, если допустить предположеніе г. Ивановскаго, то мы получимъ, что каменная баба представляетъ собою своеобразное сочетаніе погребальной урны съ надмогильнымъ памятникомъ, въ видѣ грубаго изображенія покойнаго. Едва ли это такъ.

Другое дѣло такъ называемыя „лицевыя урны“ (Gesichts-Urnen), въ изобиліи найденныя въ Западной Пруссіи и Помераніи, на мѣстахъ древнихъ поселеній славянъ, а еще ранѣе— въ предѣлахъ Этруріи. Погребальное значеніе этихъ урнъ внѣ всякаго сомнѣнія: прахъ и обгорѣлыя кости помѣщены внутри сосуда, прикрытаго крышкой. На этрусскихъ вазахъ крышкой служитъ фигура головы покойника, и шея надѣвается на горло урны: лицевая часть головы отдѣлана (вѣрнѣе—изваяна) столь тщательно, что нельзя сомнѣваться въ болѣе или менѣе полномъ ея сходствѣ съ лицомъ покойника [1]); на померанскихъ урнахъ лицо изображается на

[1]) *Micali.* Storia degli antichi popoli Italiani. Ediz. 2. Milano. 1836. Vol. I, tavole XIV—XVI.

передней сторонѣ, и о портретномъ сходствѣ здѣсь говорить трудно, благодаря несовершенству работы [1]).

Каменная же баба могла исполнять только одно назначеніе—изображать умершаго, служа памятникомъ надъ курганомъ, въ которомъ погребенъ трупъ или пепелъ отъ сожженія покойника.

II.

Литература вопроса о маскахъ. Сибирскія находки масокъ и возбуждаемыя ими вопросы. Описаніе масокъ глубокой древности: Египетъ; Месопотамія; Финикія; Карѳагенъ и Сардинія; Кипръ; Этрурія; Микены. Техника микенскихъ масокъ. Южная Россія: Керчь и Ольвія. Америка: Мексика и Перу. Сибирь: извѣстіе Палласа о маскахъ; находка татарина; открытія Адріанова на Тагарскомъ о-вѣ (1883) и близъ селенія Большіе Аглахты (1903). Культъ череповъ. Суррогаты бальзамированія.

Для того чтобы уяснить себѣ значеніе погребальныхъ масокъ, необходимо сдѣлать хотя бы краткое сравнительное обозрѣніе погребальныхъ обрядовъ всѣхъ народовъ. Подобной археолого-этнографической работы, исчерпывающей вопросъ во всей полнотѣ, до сихъ поръ не имѣется. Старѣйшая [2]) по времени работа *Andreä* „Погребальные обряды различныхъ народовъ древняго и новаго времени „(Die Todtengebräuche der verschiedenen Völker der Vor— und Jetztzeit. Leipzig. 1846. kl. 8°) даетъ самыя элементарныя свѣдѣнія и слишкомъ отрывочна. Трудъ *Меддэна* „Гробницы и могилы ста-

---

[1]) См. напр. *Berendt*, Die Pommerellischen Gesichtsurnen. Königsberg. 1872. 4°. Mit 6 Taf. Также его Nachtrag zu den Pommer. Gesichtsurnen. Königsberg. 1878. 4°. Mit 5 Taf.

[2]) Я не говорю о болѣе старой работѣ нашего академика *H. Koehler*'а (Maske, ihr Ursprung und neue Auslegung einiger der merkwürdigsten auf alten Denkmälern etc. Spb. 1833. 4°. Mit 1 Taf.), такъ какъ въ ней идетъ рѣчь о театральныхъ маскахъ.

раго и новаго свѣта“ (*Madden.* The shrines and sepulchres of the old and the new world. London. 1851. 2 vols. 8°) далеко обширнѣе, но мало доступенъ, и я не имѣлъ его подъ руками. Задуманное по болѣе широкой программѣ сочиненіе Фейдо „Исторія погребальныхъ обрядовъ и похоронъ у древнихъ народовъ“ (*Feydeau.* Histoire des usages funèbres et des sépultures des peuples anciens. Paris. 1858. 2 vols. 4°) далеко не закончено, обнимаетъ только Востокъ и уже значительно устарѣло. Въ трудѣ покойнаго *А. Бастіана* „Статьи по сравнительной психологіи“ (*Bastian.* Beiträge zur vergleichenden Psychologie. Berlin. 1868. 8°) нѣсколько разъ упоминается о маскахъ (въ главѣ Die Ahnen und die Manen, S. 72—114), но лишь вскользь. Работа *Зонтага* „Погребеніе и культъ мертвыхъ въ древнее и новое время“ (Waldem. *Sonntag.* Die Todtenbestattung, Todtencultus alter und neuer Zeit. Halle. 1878) есть небольшая школьная программа. Въ прекрасномъ трудѣ *Бенндорфа* „Древніе лицевые шлемы и погребальныя маски“ (Otto *Benndorf.* Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Wien. 1878. 4°. Mit 17 Taf.) больше всего отводится мѣста описанію масокъ, но такъ какъ при этомъ не соблюдается извѣстной послѣдовательности и обозрѣваются главнымъ образомъ маски, найденныя на территоріи Римской имперіи, то трудъ этотъ далеко не исчерпываетъ предмета, опуская даже микенскія маски. Болѣе новая работа Дэлля „Объ употребленіи масокъ, губныхъ украшеній и о нѣкоторыхъ обычаяхъ первобытныхъ народовъ“ (Will. H. *Dall.* On masks, labrets and certain aboriginal customs. Washington. 1884. 8° lex.) обнимаетъ лишь Америку и о-ва Великаго океана и говоритъ главнымъ образомъ о современномъ употребленіи масокъ у дикарей. Тѣмъ не менѣе книга эта представляетъ большой интересъ, благодаря мотивированной попыткѣ систематизировать маски и представить ихъ эволюцію; выше я отмѣтилъ, въ чемъ нельзя согласиться съ Дэллемъ. Мнѣ остается еще назвать Рих. *Андреэ*, который въ

двухъ выпускахъ своихъ „этнографическихъ параллелей и сравненій“ (Rich. *Andree*. Ethnographische Parallelen und Vergleiche. Stuttgart. 1878—89. 2 Bde 8°) достаточно отводитъ мѣста культу череповъ и погребальнымъ маскамъ; но и онъ не трактуетъ предмета во всемъ объемѣ, ограничиваясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ только краткимъ упоминаніемъ того или иного факта, менѣе чѣмъ слѣдуетъ говоря о значеніи масокъ.

Перечисленными выше трудами исчерпывается вся литература предмета.

Выше я сказалъ, что погребальныя маски дважды найдены въ Сибири А. В. Адріановымъ: въ 1883 г. на Тагарскомъ о-вѣ (на р. Енисеѣ) и въ 1903 г. на берегу р. Енисея, близъ селенія Большіе Аглахты. Оба эти случая стоятъ совершенно особнякомъ во всей Сибири; найденныя г. Адріановымъ *гипсовыя* маски 1883 г. и *маскоидъ* 1903 года до сихъ поръ не встрѣчаютъ себѣ аналогіи на европейскомъ и азіатскомъ материкахъ. Является большою загадкой, какимъ образомъ маски появились столь далеко на сѣверѣ Азіи? Какому народу, какой эпохѣ принадлежатъ онѣ? Одною эволюціонной теоріей въ данномъ случаѣ ничего не объяснить: нужна извѣстная стадія *духовной*, а не матеріальной только культуры, нужны опредѣленныя воззрѣнія на загробную жизнь и воскресеніе тѣла для новой жизни, словомъ—нужно нѣчто такое, что̀ чуждо монголо-тюркскимъ племенамъ, населявшимъ долину верхняго и средняго Енисея въ извѣстныя намъ эпохи. Другое дѣло, если мы допустимъ, что на лѣвомъ берегу Енисея существовалъ нѣкогда, въ предѣлахъ нынѣшняго Минусинскаго округа, оазисъ съ высококультурнымъ населеніемъ, ядро котораго состояло изъ племени, передвинутаго, силою историческихъ обстоятельствъ, въ эту окраину изъ странъ далекаго югозапада Азіи.

Докладъ г. Адріанова совсѣмъ не затрогивалъ подобныхъ вопросовъ, тогда какъ они сами напрашиваются; безъ рѣшенія ихъ, болѣе или менѣе правдоподобнаго, эта кур-

ганная находка останется для насъ загадкой. Тѣмъ не менѣе, при помощи вышеуказанной литературы, представляется до нѣкоторой степени возможнымъ показать на извѣстномъ количествѣ примѣровъ, что употребленіе погребальныхъ масокъ, распространенное во всей области античной культуры, имѣло мѣсто не на одномъ только азіатскомъ востокѣ, но принадлежитъ къ числу обрядностей, наблюдавшихся въ отдаленныя времена у весьма многихъ культурныхъ народовъ древности. Къ обзору подобныхъ фактовъ я и перейду теперь.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть, что въ Египтѣ уже съ древнѣйшихъ временъ, именно съ XII династіи, за 2500 л. до Р. Хр., употребительны были рельефныя золотыя маски, клавшіяся на лицо мумій; самая крышка гроба изготовлялась (изъ дерева или папирусной бумаги, рѣже—изъ нѣсколькихъ слоевъ холста) въ формѣ муміи, причемъ приготовленная изъ особаго куска дерева наружная маска росписывалась до живого сходства и даже иногда золотилась. У самой муміи золотилось не только лицо, но иногда ногти рукъ и ногъ, а въ эпоху Птоломеевъ даже genitalia у знатныхъ покойницъ покрывались листовымъ золотомъ. Муміи фараоновъ нерѣдко цѣликомъ покрывались позолотой (*Feydeau*, I. 82). Портретныя маски изъ дерева или папируса, часто дающія идеализированное изображеніе лица, укрѣплялись на головѣ муміи; но въ римскую эпоху вмѣсто масокъ вошли въ употребленіе дощечки изъ сикиморы, на которыхъ масляными красками писался портретъ покойника. Египетскія маски и портретныя дощечки въ изобиліи встрѣчаются во всѣхъ музеяхъ Европы, но особенно много ихъ было до революціи въ кабинетѣ графа *Кайлуса* [1]); золотыя египетскія маски встрѣчаются несравненно рѣже.

---

[1]) *Caylus.* Recueil d' antiquités. Tome I, p. 41, planche XI.

Бальзамируя трупъ болѣе или менѣе богатаго египтянина, *тарихевты* (бальзамировщики, собственно — „солильщики“) старались передать на маскѣ черты лица возможно точнѣе Судя по золоченой маскѣ съ эмалевыми глазами изъ саркофага царя *Антев*'а (XI династія), портретное сходство достигалось вполнѣ. Употребленіе массивныхъ масокъ изъ листового (плющенаго) золота восходитъ, какъ я сказалъ, до XII династіи, а бумажныя маски употреблялись египтянами во всѣ времена. Въ болѣе позднюю эпоху на маски наводился даже румянецъ.

Изъ своихъ ниневійскихъ раскопокъ *Лейярдъ* доставилъ для Британскаго музея двѣ золотыхъ маски; онѣ сдѣланы изъ очень тонкой золотой пластинки, снабжены четырьмя дырочками для укрѣпленія къ головному убору и даютъ недостаточно, по видимому, точное подобіе лица покойника, такъ какъ носъ, глаза и ротъ исполнены грубымъ расплывчатымъ рельефомъ (*Benndorf*, Taf. XIV, 1—2). Первая изъ этихъ масокъ найдена въ *Куюнджикѣ* и относится ко времени императора Максимина, золотая монета коего оказалась въ гробницѣ. Маска исполнена очень грубо: ромбоидальные глаза помѣщены подъ непомѣрно длинными бровями; короткій носъ искривленъ посрединѣ влѣво, ротъ открытъ, рѣсницъ, усовъ и бороды не показано. Но одно можно отмѣтить, что въ маскѣ выражено предсмертное страданіе, застывшее на лицѣ покойника. Другая маска найдена въ развалинахъ *Халеби-Челеби*, на западномъ берегу Евфрата, на лицѣ *женскаго* скелета, также изъ позднѣйшей эпохи; сдѣлана она крайне небрежно и грубо, и ничуть не передаетъ женскихъ чертъ лица. Предъ нами — маска мужчины, но никакъ не женщины; длинный, прямой носъ имѣетъ совершенно греческій характеръ; глаза помѣщены подъ длинными бровями, но лѣвый плотно закрытъ, тогда какъ правый глазъ явственно полуоткрытъ; полуоткрытъ также и ротъ, съ нѣсколько

23145
Ин-та ... языка
МО. яз. ... СССР
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

отвислой (какъ можно судить по рисунку) нижнею губой. При всей грубости исполненія бросается однако въ глаза разлитое въ маскѣ выраженіе посмертнаго покоя, наступившаго послѣ агоніи. Но, повторяю, это—не женская маска. Лейярдъ передаетъ со словъ арабовъ, что подобныя маски попадались имъ также при разграбленіи ассирійскихъ гробницъ.

Слѣды употребленія погребальныхъ масокъ имѣются и въ финикійской культурѣ. Шлиманнъ (*Mycènes*, p. 33 et 45) видѣлъ у торговца древностями одну золотую маску, найденную на финикійскомъ берегу, противъ о-ва Арада: она настоль малыхъ размѣровъ, что годилась развѣ только для новорожденнаго. *Вилльфоссъ* (H. de Villefosse) [1]) въ 1870-хъ годахъ нашелъ въ одной карѳагенской гробницѣ архаическую терракоттовую маску бородатаго мужчины. На африканскомъ берегу, по свидѣтельству *Хельбига* (Helbig [2]), особенно въ Тунисѣ, терракоттовыя раскрашенныя маски не составляютъ рѣдкости въ пуническихъ могилахъ; онѣ попадаются въ подобныхъ же могилахъ и въ Сардиніи, гдѣ вообще много слѣдовъ пребыванія карѳагенянъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что терракоттовая маска, найденная Чеснолой на Кипрѣ (*Cesnola*, Cypern. S. 402. Taf. II, 2), близь Ларнака (древній *Citium*), и довольно хорошо передающая греческій типъ лица, принадлежитъ къ древнѣйшимъ греческимъ фабрикатамъ этого рода, появившимся подъ финикійскимъ вліяніемъ. Объ этрусскихъ погребальныхъ маскахъ можно составить себѣ понятіе по бронзовой маскѣ, хранящейся въ Museo Gregoriano (*Dennis*, Etrurien. Taf. IX, 100); кромѣ того полное реализма исполненіе лица на этрусскихъ погребальныхъ урнахъ свидѣтельствуетъ о мастерствѣ этрусковъ въ этомъ дѣлѣ. Что

---

[1]) Указаніе это заимствовано у *Benndorf*'а, Seite 67.

[2]) *Benndorf*, ibid.

этруски употребляли маски при выставкѣ трупа, показываетъ одинъ саркофагъ въ Museo Campano, на крышкѣ котораго изваяна молодая особа съ лицомъ, обведеннымъ глубокою чертою, какъ бы указывающей края маски, покрывающей это лицо.

Наибольшій интересъ представляютъ для насъ греческія, именно микенскія маски, найденныя Шлиманномъ. Онѣ заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія втройнѣ: 1) онѣ тщательно описаны, 2) заботливо сфотографированы, а самое важное — 3) намъ извѣстна вполнѣ погребальная обстановка, при которой онѣ найдены. Мы остановимся поэтому на нихъ нѣсколько дольше.

Шлиманнъ нашелъ золотыя маски въ двухъ микенскихъ гробницахъ—4-й и 5-й. Гробница 4-я была страшно богата золотыми вещами, но самое цѣнное для насъ заключается въ маскахъ, которыхъ здѣсь найдено было четыре. Одна маска, впрочемъ, столь пострадала отъ погребальнаго костра и отъ камней, которыми завалена была могила, къ ней пристало такъ много пепла, что Шлиманнъ ограничивается однимъ ея описаніемъ, безъ рисунка; маска эта представляетъ большое овальное лицо молодой особы, съ высокимъ лбомъ, длиннымъ греческимъ носомъ и маленькимъ ртомъ съ тонкими губами; глаза закрыты, но на золотой маскѣ выражены какъ брови, такъ и рѣсницы (*Mycènes*, p. 300).

Вторая маска (*Mycènes*, p. 300, *fig.* 331) представляетъ физіономію совсѣмъ другого рода: лицо круглое, щеки полныя и лобъ мало развитъ; носъ не греческаго типа и не сливается со лбомъ по прямой линіи; ротъ небольшой и губы толстыя; глаза плотно закрыты, рѣсницы и сходящіяся одна съ другой брови выражены отчетливо, хотя и грубовато.

Третья маска (*ibid.*, p. 301, *fig.* 332) изъ толстаго золотого листа, очень большихъ размѣровъ, крайне характерна: глубокія морщины идутъ отъ ноздрей къ угламъ рта;

складка очень большого рта съ тонкими старческими губами не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что предъ нами—лицо мужчины преклоннаго возраста. Лобъ очень высокъ, можетъ быть потому, что субъектъ былъ плѣшивъ; большіе глаза открыты; носъ хотя и погнутъ слѣва направо, но все же можно судить, что это—носъ греческаго типа; рѣсницы не выражены, но надбровныя дуги хорошо оттѣнены, хотя и безъ бровей. Подъ маской еще сохранилась часть черепа (*ibid.*, p. 301—302).

Три только что описанныя маски въ сильной степени отличаются одна отъ другой и въ тоже время всѣ онѣ далеки отъ идеальнаго греческаго типа на статуяхъ героевъ и боговъ, поэтому можно вполнѣ рѣшительно утверждать, что каждая маска представляетъ собою пластическій портретъ умершаго, лицо котораго маска покрывала; иначе — маски представляли бы значительно меньше индивидуальности.

О четвертой маскѣ, изображающей львиную голову, повидимому снятую со шлема для возложенія на лицо покойника, мы говорить не будемъ (ibid., p. 302—303).

Другая группа масокъ найдена Шлиманномъ внутри микенскаго акрополя—въ могилѣ 5-й, которая съ весьма большимъ вѣроятіемъ можетъ быть сочтена за общую могилу Агамемнона, Кассандры, Эвримедонта и ихъ спутниковъ, убитыхъ во время пира (по Гомеру), или же въ банѣ (по Эсхилу) Клитемнестрой и ея любовникомъ Эгистомъ. Въ могилѣ этой Шлиманнъ нашелъ 12 мужскихъ, 3 женскихъ и 2 или 3 дѣтскихъ скелета, въ безпорядкѣ брошенныхъ въ очень глубокую, обширную, но короткую могилу — яму; поверхъ труповъ навалены были безпорядочною грудой дрова, не успѣвшія сгорѣть окончательно, почему трупы обгорѣли только отчасти. Пять изъ этихъ скелетовъ имѣли маски на черепахъ, къ описанію которыхъ мы и перейдемъ, оставляя въ сторонѣ аргументацію Шлиманна въ пользу того, что

маски эти принадлежали именно Агамемному и его спутникамъ.

Маска первая (*Mycènes*, p. 371, fig. 474) сохранилась превосходно, такъ какъ скелетъ имѣлъ сравнительно лучшее положеніе, а у двухъ другихъ головы были сплюснуты и какъ бы вдавлены въ плечи, благодаря слишкомъ короткой могилѣ. Маска эта—изъ массивнаго золотого листа. Она отлично передаетъ черты чисто греческаго лица съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, идущимъ прямо ото лба, а самый лобъ сравнительно малъ. Большіе глаза закрыты; поверхъ глазъ оттѣнены густыя брови, но рѣсницъ нѣтъ; ротъ довольно большой, съ тонкими старческими губами; отъ нижняго края носа къ угламъ рта идутъ глубокія морщины. О бородѣ трудно сказать что-нибудь положительное, но усы, тонко завитые и приподнятые кверху, какъ у моднаго франта, хорошо выражены. Уши выполнены также отчетливо (ibid., p. 394).

Вторая маска (*ibid.* p. 417, fig. 473) очень большихъ размѣровъ, изъ массивнаго золотого листа, закрывавшая по видимому черепъ болѣе чѣмъ на половину, сильно испорчена, благодаря малымъ размѣрамъ могилы, а можетъ быть и тому, что раздробленный убійцами черепъ совершенно сплющился подъ давленіемъ насыпи. Только небольшой ротъ съ тонкими губами да высокій лобъ выражены болѣе или менѣе сносно (*ibid.*, p. 394).

Три остальныя маски настолько испорчены, что о нихъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

Теперь является существенный вопросъ: выполнены ли эти золотыя маски съ натуры, или же это фантазія микенскаго ювелира, изготовившаго маски наугадъ, примѣнительно лишь къ греческому типу лица? Замѣтимъ прежде всего, что всѣ вообще маски носятъ на себѣ печать какой-то особенной архаической грубоватости исполненія: видимо, рука художника еще не выработала тонкой техники, а глазъ его

еще далекъ былъ отъ того, чтобы правильно оцѣнить художественную отдѣлку мелочей. Мы замѣчаемъ это въ спѣшной и грубоватой выработкѣ бровей, рѣсницъ и глазъ, а еще болѣе усматриваемъ этотъ недостатокъ въ пропускѣ этихъ деталей на маскахъ: третьей изъ могилы IV и первой изъ могилы V. Но при оцѣнкѣ исполненія микенскихъ погребальныхъ масокъ нельзя упускать одного важнаго обстоятельства: принимая во вниманіе, что въ южныхъ странахъ крайне теплый климатъ не даетъ возможности сохранять трупъ долѣе сутокъ, о выставкѣ же трупа для поклоненія не можетъ быть рѣчи, особенно при погребеніи трупа Агамемнона,—надо удивляться, какъ быстро работали микенскіе ювелиры. Правда, у Гомера мы находимъ намекъ на нѣчто, напоминающее римское *collocatio* (выставку трупа), именно, что трупы Патрокла и Гектора сохранялись 10 и 12 дней; но въ этомъ случаѣ приняты были чрезвычайныя мѣры: богиня Ѳетида въ жилы Патрокла налила амброзіи, а Аполлонъ—въ жилы Гектора. Конечно, мы можемъ понимать это такъ, что здѣсь примѣненъ былъ простѣйшій видъ бальзамированія. Какъ бы то ни было, въ примѣненіи къ вышеописаннымъ маскамъ можно сказать, что мастерство микенскихъ ювелировъ было далеко незаурядно, тѣмъ болѣе, что маски сдѣланы изъ довольно толстой золотой пластины, оперировать съ которою далеко труднѣе, нежели съ тонкой. Очевидно, что умѣнье снимать маску съ лица умершаго съ помощью гипса было очень древняго происхожденія, и къ 1184 г. до Р. Хр. (годъ убіенія Агамемнона) микенскіе художники вполнѣ удовлетворительно владѣли этимъ умѣньемъ. Предположеніе же о томъ, что маски изготовлены безъ старанія достигнуть сходства въ выраженіи лица, а наугадъ, отпадаетъ въ силу того соображенія, что въ этихъ маскахъ мы не усматриваемъ никакой идеализаціи, ни малѣйшаго желанія прикрасить черты покойника: наоборотъ,

мы замѣчаемъ стремленіе передать индивидуальныя особенности каждаго лица.

Крайне любопытны золотыя маски, найденныя въ Южной Россіи—въ Керчи и Ольвіи. Керченская маска найдена въ 1837 г. на лицѣ скелета, заключеннаго въ мраморный саркофагъ, въ огромномъ насыпномъ курганѣ. Въ отчетѣ *Ашика* о раскопкахъ этого кургана (Antiquités du Bosphore Cimmérien. Tome I, p. 11 et suiv., planche I) мы находимъ слѣдующее:

„Восхищеніе мое смѣшано было съ удивленіемъ, когда, открывъ крышку, я увидалъ въ саркофагѣ скелетъ съ золотымъ лицомъ, діадемою на головѣ и въ полномъ одѣяніи. Платье царицы сплошь было усыпано золотыми украшеніями; вуаль, покрывавшій голову, ниспадалъ до пояса и еще сохранялъ свой первоначальный цвѣтъ. Онъ былъ изъ шерстяной матеріи, съ золотыми узорами; но, при первомъ же соприкосновеніи съ воздухомъ, вся эта ткань обратилась въ прахъ, и остались только золотыя блестки".

По богатому убранству костюма, по золотой діадемѣ и массѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей Ашикъ заключаетъ, что въ саркофагѣ покоилась царица. Золотая маска, вѣсомъ въ 62 золотника, прекрасно сохранилась; она изготовлена несомнѣнно по слѣпку съ лица (негативу), но при надавливаніи инструмента, которымъ золотой листъ прижимался къ углубленіямъ формы, листъ этотъ кой-гдѣ далъ трещины или образовалъ дырочки, почему лицевая сторона тамъ и сямъ носитъ слѣды подправки. Мелкія неровности сглажены и отполированы какимъ-то тупымъ инструментомъ, но едва ли подпилкомъ, какъ думаетъ *Бенндорфъ* (стр. 8). Внутренняя сторона маски въ мѣстахъ наиболѣе углубленныхъ сохранила слѣды какого-то буро-краснаго вещества, какъ это встрѣчается на большинствѣ чеканныхъ золотыхъ украшеній, и происходитъ, вѣроятно, не столько отъ соприкосновенія съ окрашенными въ красный цвѣтъ тканями, какъ полагаетъ

Бенндорфъ, сколько отъ патины, образующейся на поверхности благороднаго металла путемъ долговременнаго химическаго воздѣйствія почвы и продуктовъ разложенія трупа. На оборотной сторонѣ маски въ разныхъ мѣстахъ видны отпечатки тонкой петлистой ткани, на подобіе сѣтки, быть можетъ—благодаря тому, что ювелиръ, для ослабленія силы удара, обертывалъ свой инструментъ (чеканъ?) подобною матеріей.

Работа маски [1]) великолѣпна, а типъ лица безусловно прекрасенъ. Маска должна была еще болѣе выигрывать, когда края ея были прикрыты отчасти локонами и діадемой, частью складками ниспадавшаго съ головы покрывала, достающаго до груди. Края маски сильно обрѣзаны со всѣхъ сторонъ—на лбу, около ушей и шеи, а для укрѣпленія къ головному убору она снабжена на щекахъ и на лбу отверстіями (по два). Черты лица выражены чрезвычайно правдиво, благодаря посмертному слѣпку; особенно бросается въ глаза выраженіе покоя, если смотрѣть на маску въ профиль. По этому поводу *Жилль* [2]) говоритъ: „Легкая судорога, застывшая на лицѣ, ротъ немного скривившійся направо, выраженіе глазъ съ едва опущенными вѣками, правый зрачекъ приподнятый ко лбу, тогда какъ лѣвый почти подошелъ къ носу — какъ бы указываютъ на то, что въ моментъ смерти глаза застыли скошенными, наконецъ разлитое по всему лицу торжественное спокойствіе смерти—все указываетъ намъ, что маска даетъ точное выраженіе лица, только что застывшаго въ предсмертной агоніи“.

Какъ можно заключить изъ совокупности находокъ, гробница керченская относится къ III в. по Р. Хр. Вѣнецъ

---

[1]) Изображена у *Benndorf*'а, Taf. II, и въ ниже цитируемомъ сочиненіи.

[2]) Antiquités du Bosphore Cimmérien. Tome I, p. 267, pl. XXX, 3, 5.

изъ золотыхъ листьевъ сработанъ совершенно такъ же, какъ на одной монетѣ царя Рескупориса IV (222—229 гг.), а надпись на серебряной ложкѣ изъ саркофага указываетъ дату, падающую на 202-й годъ христіанскаго лѣтосчисленія. Такимъ образомъ, четырнадцать вѣковъ отдѣляютъ керченскую маску отъ микенскихъ. Греческое искусство за это время достигло высшей степени процвѣтанія и склонилось къ упадку; самая независимость Греціи смѣнилась подчиненіемъ Риму, но ювелирное искусство грековъ и умѣнье изготовлять маски сохранилось и процвѣтало, уже не на территоріи древней Греціи, а въ бывшихъ греческихъ колоніяхъ, на полуварварской почвѣ, обитатели которой усвоили себѣ греческіе обычаи и обряды. Любопытно, что ученый *Wieseler* признаетъ эту маску болѣе древнею, чѣмъ гробница, и считаетъ, что она долгое время сохранялась, какъ семейная драгоцѣнность, пока не была употреблена для этого случая. (*Götting. gel. Anzeigen*, 1869, p. 2113). Заключеніе во всякомъ случаѣ странное.

Другая золотая маска найдена въ каменномъ склепѣ насыпного кургана въ *Ольвіи*, вмѣстѣ съ другими золотыми вещами. Маска эта входила нѣкогда въ составъ собранія графа Кушелева и сохранилась въ поврежденномъ видѣ (*Benndorf*, Taf. XV, 1). Съ перваго же взгляда можно заключить, что маска эта варварской работы, а въ художественномъ отношеніи стоитъ не выше микенскихъ масокъ и должна, казалось бы, принадлежать болѣе позднѣй эпохѣ, чѣмъ керченская. И здѣсь зрачки скошены и поставлены не въ одинаковыхъ точкахъ глазного яблока: правый зрачекъ приподнятъ кверху, а лѣвый опущенъ книзу. Ротъ слегка пріоткрытъ, брови рѣзко выражены, есть также грубая попытка изобразить окладистую бороду. Прямой римскій носъ невольно бросается въ глаза, но общій складъ физіо-

номіи какъ бы говоритъ за то, что предъ нами не лицо римлянина, а южнорусскаго варвара [1]).

Обѣ эти маски какъ нельзя лучше указываютъ, что употребленіе масокъ въ южной Россіи было въ III в. по Р. Хр. въ полномъ ходу, когда въ Римѣ ихъ уже совсѣмъ перестали примѣнять. Такимъ образомъ, античный обычай грековъ и римлянъ, усвоенный полуцивилизованными варварами, удержался у нихъ значительно долѣе, распространяясь все дальше и дальше отъ Рима на окраины имперіи.

О фрагментахъ масокъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ на югѣ Россіи, я не говорю; равнымъ образомъ оставляю безъ вниманія многочисленныя находки разнообразныхъ золотыхъ пластинокъ съ изображеніемъ головы Медузы (или Горгоны): это во всякомъ случаѣ — не погребальныя маски, а предметы орнаментальнаго значенія, скорѣе всего нашивавшіеся на платье [2]).

Широко распространено было употребленіе погребальныхъ масокъ въ древнемъ Мексико. „Знатный покойникъ, говоритъ *Dupaix* (Antiquités Mexicaines. Paris. 1834. Folio. Pl. VI, XV, XVII, LXV et pl. supplém. VII), на третій или четвертый день послѣ смерти обвертывался въ 15 или 20 кусковъ тонкаго полотна и одѣвался въ богатыя одежды. Ему возлагали на лицо раскрашенную маску, одѣвали въ костюмъ того бога, которому онъ всего чаще молился, а потомъ сожигали. Жены и рабы убивались въ день похоронъ, и подобное человѣческое жертвоприношеніе повторялось въ

---

[1]) Маска эта въ краскахъ изображена также въ трудѣ графа *А. С. Уварова*, Recherches sur les antiquités de la Russie méridionale. Paris. 1855. Planche XIV.

[2]) См. перечень такихъ маленькихъ масокъ, описаніе ихъ и указаніе теперешняго мѣстонахожденія въ трудѣ *Сабатье*, Керчь и Воспоръ. Спб. 1851. 4°. Стр. 122. Таблица VI, фиг. 1—6. Пять изъ этихъ масочекъ находятся въ собраніи гр. А. С. Уварова

20-й, 40-й и 80-й день по смерти. Пепелъ складывался, вмѣстѣ съ идоломъ божества—покровителя и двумя локонами волосъ покойника (изъ которыхъ одинъ отрѣзался при жизни), въ ящикъ, поверхъ котораго помѣщалась маска покойнаго, и этому ящику нѣкоторое время приносились жертвы".

Мексиканскія маски, сработанныя съ необычайною тщательностью изъ разнообразнѣйшихъ матеріаловъ, часто изъ весьма твердыхъ минеральныхъ породъ, снабжались отверстіями для прикрѣпленія къ головѣ покойника или къ головному убору. Этихъ масокъ сохранилось довольно много; обыкновенно онѣ изображаютъ лицо покойника со всѣми индивидуальными особенностями, снабжены ушами и часто устраивались такъ, что сквозь отверстія виднѣлись глаза и ротъ покойника; оборотная сторона масокъ отполирована вогнуто и иногда украшена рельефными изображеніями [1]).

Въ Перу найдены главнымъ образомъ терракоттовые и деревянные маскоиды, т. е. искусственныя головы съ подобіемъ волосъ, раскрашенными глазами и размалеваннымъ лицомъ. Обыкновенно маскоиды сдѣланы грубовато и о портретномъ сходствѣ говорить здѣсь невозможно [2]).

Что̀ касается сибирскихъ масокъ, то первое о нихъ извѣстіе мы находимъ въ „Путешествіи" Палласа; но самъ Палласъ не видалъ масокъ, а только слыхалъ о нихъ отъ сибиряковъ — курганщиковъ, спеціалистовъ по ограбленію доисторическихъ могилъ. Старый курганщикъ разсказывалъ Палласу, что „ему два раза попадались въ могилахъ человѣчьи головы въ натуральную величину, внутри пустыя, сдѣланныя изъ фарфорообразной массы, раскрашенныя красными и зелеными листьями". (*Pallas*, Reise. Bd. III, S. 384). Очень можетъ быть, что листья эти должны были изображать

---

[1]) См. также изображеніе масокъ въ трудѣ *Бенндорфа*, стр. 69.

[2]) *Dall*, On masks etc. P. 104 and plate XI.

собою погребальный вѣнокъ, подобный тѣмъ, которые греками возлагались на голову умершаго. Но существованіе масокъ въ могилахъ Минусинскаго округа подвергалось сомнѣнію, пока А. В. Адріановъ не нашелъ ихъ въ курганахъ на Тагарскомъ о—вѣ. Ученый лама *Галсанъ-Гомбоевъ* [1]) въ „Объясненіи Семипалатинскихъ древностей“ высказалъ мысль, что упоминаемыя у Палласа маски были собственно не маски, а раскрашенные черепа; обычай же раскрашивать черепа могъ распространиться въ Сибири лишь съ появленіемъ буддизма. Мнѣніе это раздѣлялъ *Н. И. Поповъ* (въ статьѣ своей „О чудскихъ могилахъ“, помѣщенной въ „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Р. Г. О. 1876 (т. VII) и 1877 (т. VIII). Однако еще ранѣе открытія г. Адріанова, года за два или за три, существованіе масокъ въ насыпныхъ курганахъ сдѣлалось извѣстнымъ покойному Н. М. Мартьянову, такъ какъ татаринъ *Данишкинъ* доставилъ въ Минусинскій музей фрагменты гипсовой маски изъ размытаго рѣкою Абаканомъ подлѣ селенія Нурилькова земляного кургана съ лиственничнымъ срубомъ. Изъ письма г. Адріанова, напечатаннаго Д. А. Клеменцомъ въ „Древностяхъ Минусинскаго музея“ (Томскъ. 1886. Стр. 26—27), трудно вывести, сколько найдено было гипсовыхъ масокъ и покрывали они лицо покойника или нѣтъ. Д. А. Клеменцъ удостовѣряетъ, что „рядомъ со скуластыми, плосколицыми личинами, попалась *одна* замѣчательной красоты, съ чертами лица чисто европейскими (между тѣмъ въ Атласѣ г. Клеменца изображены *двѣ* такихъ маски). Маски покрашены какою-то красною краской, замѣчательно хорошо сохранившейся“.

При ближайшемъ разсмотрѣніи рисунка двухъ масокъ, изображенныхъ на таблицѣ XX „Атласа къ Древностямъ

---

[1]) *Извѣстія* Импер. Археологич. общ. 1859, т. II, вып. 4, стр. 207—219.

Минусинскаго музея", мы безъ труда усмотримъ въ нихъ не тюркскія и не монгольскія, а чисто арійскія и скорѣе всего—греческія черты лица, особенно во второй маскѣ. Маски эти, какъ и тѣ, которыя выставлены были во время доклада г. Адріанова въ Московскомъ Археологическомъ обществѣ (24 февраля 1904 г.), равно какъ и маска, хранящаяся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, извлечены изъ кургановъ въ фрагментарномъ видѣ, что объясняется, вѣроятно, хрупкимъ матеріаломъ масокъ, разрушительнымъ давленіемъ надмогильной насыпи, а можетъ быть—нѣкоторымъ несовершенствомъ пріемовъ извлеченія ихъ изъ могилы и неумѣньемъ пропитать ихъ фиксирующимъ составомъ. Минусинскія маски мастерски исполнены изъ сравнительно довольно толстаго (до 1 дюйма) слоя гипса и хорошо выражаютъ преисполненное величаваго спокойствія лицо умершаго. Особенность масокъ заключается въ томъ, что онѣ должны были, какъ будто, покрывать все лицо, закрывая и уши, которыя на маскахъ не выражены; но изъ доклада г. Адріанова мы знаемъ, что маски лежали не на лицѣ покойника (у одного изъ которыхъ голова и шея мумифицированы), а стояли по угламъ лиственничнаго погребальнаго сруба. Тщательное исполненіе глазъ, носа и плотно сомкнутаго рта съ умѣренно полными губами не оставляютъ сомнѣнія, что маски изготовлены по слѣпку съ лица умершаго и даютъ точное понятіе о чертахъ лица послѣдняго. Въ данномъ случаѣ трудно говорить объ идеализаціи, о прикрасѣ маски и объ уклоненіи отъ антропологическаго типа, ибо мы знаемъ, что вмѣстѣ съ этими масками найдены были и маски скуластыя, плосколицыя, представляющія тюркомонгольскія черты. Тѣмъ не менѣе для насъ остается полною загадкой, когда и какой народъ, обитавшій въ Минусинскомъ округѣ, изготовлялъ эти маски? Былъ ли это мѣстный, самостоятельно возникшій обычай, или же онъ занесенъ сюда изъ далекихъ странъ Юга? На эти вопросы мы не

можемъ дать отвѣта до тѣхъ поръ, пока не сдѣланы будутъ новыя находки въ Сибири въ этомъ родѣ, которыя должны быть описаны нѣсколько болѣе научно, чѣмъ это дѣлаетъ г. Адріановъ. Но тотъ фактъ, что г. Адріановъ нашелъ въ 1903 г. въ Аглахтинскихъ курганахъ *маскоидъ*, набитый травой, невольно заставляетъ насъ вспомнить о перуанскихъ искусственныхъ головахъ, набитыхъ листьями. Какъ примѣнялись тѣ и другіе въ погребальной процессіи, мы ничего не можемъ сказать, по недостатку данныхъ, но можемъ догадываться, что маскоидъ нѣкоторое время (можетъ быть— довольно продолжительное) хранился въ семьѣ умершаго, подобно римскимъ *imagines*, и пользовался поклоненіемъ.

Въ близкомъ соприкосновеніи съ погребальными масками находятся тѣ разнообразныя формы, которыя въ древнее и новое время принялъ культъ череповъ. Подобно тому, какъ у скиѳовъ-исседоновъ, по словамъ Геродота (IV, 26), сынъ покрывалъ позолотой черепъ отца, а потомъ покланялся ему, какъ божеству, такъ въ средніе вѣка черепа святыхъ хранились въ металлическихъ или-же рѣзныхъ изъ дерева ковчегахъ (reliquaire), чаще всего напоминавшихъ бюстъ святого, раскрашенныхъ и убранныхъ драгоцѣнными каменьями; реликеры эти должны были замѣнять собою образъ святого, его портретъ. Гдѣ не было культа череповъ, какъ напр. теперь у андамановъ [1]), тамъ были въ употребленіи маскоиды, какъ въ Перу и на берегу Енисея. Сюда же относится распространенное въ древности обыкновеніе (у скиѳовъ и персовъ) покрывать трупъ воскомъ, гипсомъ (у римлянъ), тонкими золотыми пластинками (случай въ Микенахъ, благодаря которому трупъ мумифицировался), наливать въ гробъ медъ (какъ иногда греки поступали съ трупами

---

[1]) *Rich. Andree*, Ethnographische Parallelen und Vergleiche. Stuttgart. 1878. 8°. Seite 136—137.

поэтовъ), однимъ словомъ—придавать трупу такой видъ, въ которомъ бы могъ онъ сохраняться возможно дольше, служа объектомъ поклоненія. Такимъ образомъ мы наталкиваемся на суррогаты бальзамированія, на цѣлый рядъ мѣропріятій санитарно-гигіеническаго характера, именно—на желаніе возможно дольше не испытывать запаха разлагающагося тѣла. Наконецъ, есть еще способъ, съ помощью котораго удовлетворяется потребность поклоненія предку: трупъ помѣщается въ лакированный ящикъ и ставится въ жиломъ помѣщеніи (у китайцевъ). Гдѣ не примѣнялся ни одинъ изъ вышеуказанныхъ способовъ, тамъ изготовлялась деревянная статуя, изображающая покойнаго, которой воздавались божескія почести, словомъ—кромѣ препарированнаго и сохраняющагося болѣе или менѣе долгое время трупа, въ той или другой формѣ готовилось изображеніе, напоминающее покойника, будетъ ли это бюстъ, цѣлая голова или маска, представляющая одно лицо умершаго.

III.

Погребальныя маски у римлянъ. Маска изъ Кумъ. Другіе случаи находокъ погребальныхъ масокъ въ предѣлахъ Римской имперіи. Jus imaginum. Pollinctor. Collocatio. Мнѣніе Плинія Младшаго о времени изобрѣтенія маски. Pompa funebris, по Полибію. Laudatio funebris. Похороны Севера (Геродіанъ), Августа (Діонъ Кассій), Пертинакса (онъ же), Цезаря (Аппіанъ). Funus acerbum: Британника (Діонъ Кассій), Германика (Тацитъ). Устройство куклы (imago, εἴδωλον, εἰκών) на погребальномъ ложѣ (torus, κλίνη, λέχος). Помѣщеніе для масокъ и бюстовъ предковъ (armarium, templum, arca, ξύλινα ναΐδια). Участіе актера въ похоронной процессіи. Маски предковъ въ качествѣ приданаго. Погребальныя маски выходятъ изъ употребленія. Отзывъ объ этомъ Плинія. Проникновеніе масокъ вглубь Азіи. Бальзамированіе въ христіанскую эпоху. Новѣйшіе примѣры этого рода: король Викторъ Эммануилъ, патріархъ Іоакимъ II. Заключеніе и выводы.

Перейдемъ теперь къ римлянамъ, у которыхъ употребленіе погребальныхъ масокъ выразилось всего полнѣе и

нагляднѣе. Примѣненіе масокъ во время парадной выставки трупа (collocatio) передъ погребеніемъ связано было у римлянъ съ высоко разработаннымъ религіознымъ церемоніаломъ; оно особенно понятно въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь или раны на лицѣ безобразили покойника, когда трупъ былъ изуродованъ, когда по какой-либо причинѣ нельзя было бальзамировать трупа, или когда отъ долговременной парадной выставки лицо покойника темнѣло и начинало подвергаться разложенію.

Въ этомъ отношеніи любопытны хранящіеся въ Неаполитанскомъ національномъ музеѣ двѣ восковыхъ маски изъ гробницы близь Кумъ (*Cumae*), въ которой найдены были два скелета безъ рукъ, ногъ и головъ. Женская маска распалась при вынимании на мелкіе куски; мужская же съ большою правдоподобностью передаетъ черты лица безбородаго мужчины, имѣетъ вставные стеклянные глаза и даже сохранила еще слѣды волосъ. (*Benndorf*, Taf. XIV, 6). По мнѣнію археолога *Росси*, это были трупы четвертованныхъ, выданные родственникамъ для погребенія и выставленные съ восковыми масками. Случай подобнаго рода находки былъ также на *via Appia* въ 1485 г., когда открыта была гробница дѣвушки съ лицомъ идеальной красоты и золочеными волосами; въ этомъ случаѣ, вѣроятно, имѣлось дѣло съ прекрасно исполненною маской. Можно отмѣтить еще слѣдующія находки погребальныхъ масокъ на территоріи Римской имперіи: 1) Кёльнская желѣзная маска (Benndorf, Taf. XIV, 3); 2) бронзовая маска въ музеѣ Арользена (*ibid.*, Taf. I, 2); 3) терракоттовая маска изъ римскаго некрополя близь древней *Salacia*, въ Португаліи *ibid.*, Taf. XVI, 1); 4) желѣзная маска Лейденскаго музея (*ibid.*, Taf. XIII, 1); 5) терракоттовая маска изъ Кумъ (*ibid.*, Taf. XIII, 2); 6) Майнцская желѣзная маска (*ibid.* XII, 2); 7) фрагментъ бронзовой маски, найденной въ *Chiusi* (*ibid.*, Taf. VI, 2); 8) фрагментъ таковой же маски изъ Бейссенбурга [Nordgau] (*ibid.*, Taf. VI, 1). Я

перечисляю только такія маски, которыя найдены въ могилахъ, умалчивая объ остальныхъ, условія нахожденія которыхъ неизвѣстны.

Вышеприведенные факты заслуживаютъ полнаго вниманія: они бросаютъ новый свѣтъ на римскія imagines (т. е. изображенія предковъ), освѣщая ихъ темное прошлое. Нѣкоторые думаютъ, что до IV в. до Р. Хр. маски были неупотребительны въ Римѣ, ибо о нихъ не упомянуто въ законѣ Секста Лициніи (367 г.), но это несправедливо. Насколько элементаренъ былъ способъ приготовленія масокъ, показываютъ находки Шлиманна: большого умѣнья тутъ было не нужно, а обзоръ погребальныхъ обрядовъ, сдѣланный Полибіемъ, показываетъ, что онъ имѣлъ дѣло съ обычаемъ, узаконеннымъ многовѣковою практикою какъ римлянъ, такъ и ближайшихъ ихъ сосѣдей—этрусковъ. Существованіе у римлянъ juris imaginum доказываетъ, что употребленіе погребальныхъ масокъ возникло у нихъ независимо отъ греческаго вліянія, но вліяніе этрусковъ, мнѣ кажется, необходимо допустить. Упомянутыя imagines служили къ тому, чтобы при погребеніи римлянина весь рядъ его предковъ сопровождалъ погребальное шествіе. Выслужившійся вольноотпущенникъ, получившій jus imaginum, могъ только передать потомкамъ это право, а при его похоронахъ изображенія предковъ не могли быть носимы по очень простой причинѣ: съ раба не въ обычаѣ было снимать маску. Такимъ образомъ, первоначально употребленіе масокъ было присуще, было, такъ сказать—привилегіей только патриціанскихъ родовъ, и всегда связывалось съ такъ назыв. *collocatio*, т. е. парадною выставкой тѣла, а это дѣлалось лишь для покойниковъ, занимавшихъ при жизни курульную магистратуру (консула, цензора, эдила)

Въ противоположность быстрому погребенію дѣтей и плебеевъ, обычно тѣло взрослыхъ патриціевъ обоего пола выставлялось на довольно длинный срокъ. *Сервій* (ad Aeneid.

V, 64) говоритъ: apud majores ubi quis fuisset extinctus, ad domum suam referebatur.. et illic septem erat diebus, octavo incendebatur, nono sepeliebatur (т. е.: „У предковъ нашихъ если кто умиралъ, былъ приносимъ въ собственный домъ и тамъ находился въ теченіе семи дней; на восьмой онъ сожигался, на девятый погребался“). Затѣмъ уже происходилъ поминальный обѣдъ—*cena novemdialis* („обѣдъ въ 9-й день“). Чтобы сохранить трупъ столь длинный срокъ въ тепломъ климатѣ, требовались совершенно исключительныя мѣры. Въ этомъ случаѣ римскія мѣропріятія значительно разнились отъ греческихъ. У римлянъ немедленно по смерти извѣстнаго лица выступалъ на сцену *pollinctor,* обязанность коего заключалась въ томъ, чтобы натереть тѣло благовонными мазями, обвить его въ полотно, одѣть—вообще приготовить къ коллокаціи. Но такъ какъ слово *pollinctor* производятъ обычно отъ *pollen*=„пшеничная мука“, то въ курсахъ римскихъ древностей, при обзорѣ погребальныхъ обрядовъ, прибавляли еще, что pollinctor напудривалъ, будто бы, лицо покойника пшеничной мукой. Сомнительно, чтобы это дѣлалось, а если и дѣлалось, то весьма возможно, что это было только побочнымъ занятіемъ поллинктора, а главное состояло въ снятіи съ его лица негатива, т. е. формы для маски, въ которой онъ отливалъ или формовалъ потомъ настоящую восковую маску, *можетъ быть* обсыпавъ предварительно форму мукой; маску эту ему оставалось затѣмъ *emendare*=„подправить“, т. е. подкрасить, поддѣлать рѣсницы, брови и пр. Затѣмъ эта маска полагалась плотно на лицо покойника или же придѣлывалась къ куклѣ, которая лежала сверху парадной постели. Хотя Плиній (*Natur. hist.* XXXV, 153) говоритъ, что искусство снимать маски съ человѣческаго лица принадлежитъ довольно позднему времени, именно—будто его открылъ *Лизистратъ Сикіонскій*, братъ художника Лизиппа, но этому противорѣчитъ весь ходъ искусства грековъ; безспорно, изобрѣтеніе это много

древнѣе и восходитъ вообще къ началу изобразительнаго искусства у грековъ: оно столь же древне, какъ приготовленія статуэтокъ изъ глины и гипса. Гдѣ и когда послѣ многократной практики впервые примѣненъ былъ этотъ способъ для приготовленія погребальныхъ масокъ, рѣшить, конечно, невозможно; но мы видѣли, что уже въ Микенахъ, въ началѣ второго тысячелѣтія до Р. Хр., изготовленіе погребальныхъ масокъ изъ золота было для ювелировъ дѣломъ привычнымъ.

Различныя свидѣтельства говорятъ о томъ, что у римлянъ не только похоронная процессія (*pompa funebris*), но и простая выставка тѣла (*collocatio*) съ глубокой древности требовали примѣненія куколъ и масокъ. *Полибій*, описывая знатныя римскія похороны (*τῶν ἐπιφανῶν ἀνδρῶν*) и умалчивая о коллокаціи, начинаетъ съ похороннаго шествія и говоритъ, что трупъ *въ сидячемъ положеніи* выносился на форумъ для произнесенія надъ нимъ панегирика (*laudatio funebris*).

Геродіанъ (IV, 2, 2) въ аналогичномъ случаѣ прибавляетъ, что когда Каракалла и Гета привезли изъ Британніи пепелъ императора *Севера*, то погребальная процедура въ Римѣ совершалась такимъ образомъ: „вылѣпивши изъ воска изображеніе (*εἰκόνα*), во всемъ похожее на умершаго, они помѣщаютъ его въ парадномъ одѣяніи на тронъ изъ слоновой кости. По обѣ стороны засѣдаетъ во время поклоненія тѣлу знать обоего пола,—справа мужчины, слѣва женщины; первые въ черной одеждѣ, вторыя – въ бѣлой, безъ всякихъ золотыхъ украшеній. Такая процедура совершалась въ теченіе семи дней“.

Точно также тѣло *Августа*, умершаго въ Нолѣ, за ночь перевезено было въ Римъ и поставлено, въ закрытомъ гробу, въ вестибюлѣ палатинскаго дворца, а надъ гробомъ выставлено было восковое изображеніе Августа, которое и фигурировало въ погребальной процессіи. *Діонъ Кассій*

(LVI, 34) по этому поводу говоритъ: „ложе (κλίνη) для этой цѣли было сдѣлано изъ слоновой кости и золота и украшено парчевыми покрывалами. Внутри этого ложа, гдѣ-то внизу, было помѣщено въ гробу (ἐν θήκῃ) тѣло, а восковое изображеніе Августа (εἰκὼν δὲ δή τις αὐτοῦ κηρίνη) помѣщалось сверху, одѣтое въ императорскія тріумфальныя одежды (ἐπινικίῳ στολῇ).

Подобнымъ же образомъ совершалось заочное погребеніе *Пертинакса* (funus imaginarium). *Діонъ Кассій* (LXXIV, 4, 2) сообщаетъ: „хотя Пертинáксъ давно уже умеръ, но его (фиктивное) погребеніе совершилось такимъ образомъ: на римскомъ форумѣ было приготовлено деревянное сѣдалище (βῆμα) на каменномъ основаніи (ἐν χῶρῳ τοῦ λιθίνου), а около сѣдалища устроена комната съ перистилемъ, украшенная слоновою костью и золотомъ, и въ ней (поставлено) такое же ложе, имѣющее кругомъ головы звѣрей и морскихъ чудовищъ, украшенное пурпурными покрывалами и золотыми тканями; поверхъ него возложили восковое изображеніе (εἴδωλόν τι τοῦ Περτίνακος κήρινον) Пертинакса, одѣтое въ тріумфальныя одежды, а богато одѣтый юноша отгонялъ отъ него вѣеромъ изъ павлиныхъ перьевъ мухъ, какъ бы отъ спящаго“.

При погребеніи *Цезаря* устроено было нѣсколько иначе, какъ можно заключить изъ словъ Аппіана (*Bell. civil.* II, 147): „поверхъ ложа (λέχος) было помѣщено изображеніе его изъ воска, тѣло же было положено ниже, и его не было видно. Кукла Цезаря, благодаря механическимъ приспособленіямъ (ἐκ μηχανῆς), раскачивалась во всѣ стороны и на ней виднѣлось двадцать три раны по всему тѣлу и по лицу, придававшія ему ужасный видъ“.

Когда *Британникъ* палъ отъ отравы, Неронъ назначилъ ему такъ назыв. *funus acerbum*, т. е. „немедленныя похороны“, безъ предварительной выставки трупа. *Діонъ Кассій* (LXI, 7, 4) разсказываетъ по этому поводу, что багровое

лицо Британника было покрыто гипсомъ. Когда тѣло предъ сожженіемъ было выставлено на форумѣ, гипсъ смыло проливнымъ дождемъ, выглянуло наружу багровое лицо покойника, и всѣ уразумѣли, что Неронъ совершилъ злодѣяніе.

Говоря о лишенныхъ всякой пышности похоронахъ *Германика*, Тацитъ приводитъ ропотъ народа: ubi illa veterum instituta, propositam toro effigiem, meditata ad memoriam virtutis carmina et laudationes et lacrimas vel doloris imitamenta? (*Annal.* III, 5). Тутъ, конечно, разумѣются: обычная выставка куклы на парадномъ ложѣ, неніи (похоронные плачи) и панегирикъ на форумѣ.

Въ высокой степени странно было бы, конечно, предположить, чтобы вся фигура покойника была сдѣлана изъ воска, какъ говоритъ Геродіанъ по поводу похоронъ Севера. Такъ какъ фигура была одѣта, то кромѣ лица и шеи самое бо́льшее—были видны лишь руки и ноги; остальное могло быть изъ какого угодно матеріала, на подобіе того, какъ дѣлаются подвижныя фарфоровыя куклы. Самымъ существеннымъ было здѣсь, разумѣется, приготовленіе изъ воска лицевой части головы, т. е. такъ называемой *imago* въ тѣсномъ смыслѣ. Можно думать поэтому, что *imagines* были именно эти приготовляемыя для продолжительной парадной выставки тѣла маски и что онѣ именно фигурировали (какъ и въ новѣйшее время) на этой выставкѣ. Теперь будетъ вполнѣ понятно, что нельзя было иначе сдѣлать маски, какъ снявъ гипсовый слѣпокъ (негативъ) съ лица покойника и отливъ въ немъ восковое изображеніе, которое сверхъ того, для большаго сходства, еще раскрашивалось. *Лессингъ* очень удачно замѣчаетъ по этому поводу, что портретное сходство маски стояло на первомъ планѣ во время предпохоронной выставки трупа, *сохраненіе* же изображенія покойника для потомства было дѣломъ второстепеннымъ, и забота объ этомъ относится къ болѣе позднему времени. Это и понятно, ибо

современники смерти и погребенія извѣстнаго лица лучше могли судить о сходствѣ маски съ оригиналомъ, чѣмъ отдаленное болѣе или менѣе потомство.

Полибій говоритъ (VI, 53, 4), что послѣ погребенія маска помѣщалась въ атріумѣ дома покойника (по нашему—въ гостиной), на самомъ видномъ мѣстѣ (*εἰς τὸν ἐπιφανέστατον τόπον τῆς οἰκίας*). Для этого на стѣнѣ устраивались деревянныя полки или даже шкапчики (*ξύλινα ναΐδια*). У *Петронія* мы находимъ указаніе, что по этимъ маскамъ готовились потомъ небольшихъ размѣровъ серебряные бюсты предковъ; иногда же въ особыхъ ковчегахъ хранились и другія реликвіи предковъ, напр. борода (*Satyr.*, с. 29). Въ болѣе древнее время это было не только трудно допустимо, но даже прямо невозможно, такъ какъ маска служила единственно для обряда погребенія. По крайней мѣрѣ это имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда умершій погребался по старому обряду въ землѣ, а предъ опущеніемъ гроба въ могилу ложе (torus) удалялось вмѣстѣ съ фигурой покойнаго, которая уносилась, за ненадобностью, прочь, и маска при этомъ должна была сниматься. При обрядѣ сожженія, напротивъ, для цѣлей выставки на погребальномъ ложѣ, должна была изготовляться другая маска (помимо приготовленной для помѣщенія въ атріумѣ), такъ какъ ложе съ фигурой на немъ умершаго и самый гробъ съ трупомъ одновременно предавались пламени на кострѣ.

Какъ я сказалъ выше, изображенія предковъ ставились въ атріумѣ на полкѣ или въ особомъ шкафчикѣ (*armarium*); у богатыхъ людей этотъ шкафчикъ имѣлъ подобіе небольшого храма (templum), а иногда видъ саркофага (arca), и этотъ храмъ, обыкновенно плотно закрытый, игралъ большую роль, когда совершались поминки, т. е. домашнія жертвоприношенія въ честь предковъ (*ларъ* и *пенатовъ*) и ихъ изображенія,—знакомыя уже намъ—majorum imagines—торжественно открывались. Культъ предковъ соблюдался до-

вольно долгое время въ Римѣ, и былъ еще въ полномъ ходу въ императорскую эпоху; по крайней мѣрѣ изображенія подобныхъ храмиковъ для храненія масокъ предковъ часто встрѣчаются въ эту эпоху, до второй половины II в. по Р. Хр.

Неизвѣстно, когда возникъ обычай, чтобы актеры появлялись въ погребальномъ шествіи, стоя на колесницѣ въ костюмѣ и со знаками отличія умершаго, съ маскою послѣдняго на лицѣ; одновременно особыя лица несли изображенія ранѣе умершихъ предковъ. Весьма возможно, что обычай этотъ явился въ относительно болѣе позднее время, уже съ развитіемъ въ Римѣ сценическаго искусства, какъ придатокъ къ похоронному торжеству. Хранившіяся въ храмахъ атріума подлинныя маски предковъ едва-ли были пригодны для этой цѣли: онѣ должны были бы тогда имѣть отверстія для рта, носа и глазъ, чтобы получалась полная иллюзія; но въ южномъ климатѣ, при сильной жарѣ, такая маска скоро бы испортилась, даже если бы воску искусственно придана была особенная твердость. Но такъ какъ имѣлся тщательно изготовленный слѣпокъ (негативъ) съ лица, какъ и первая приготовленная съ него маска, подправленная примѣнительно къ оригиналу, то была полная возможность всякій разъ приготовить новую маску и приспособить ее для цѣлей предстоящаго праздника. Слѣдуетъ предположить, что даже ко дню погребенія изготовлялась не одна маска, а двѣ. Когда, напр., *Светоній* говоритъ о томъ, что, по обычаю (ut est mos), предъ трупомъ *Веспасіана* шелъ актеръ съ маскою покойника на лицѣ, мимикою изображая императора, то уже для этого нужна была вторая маска, кромѣ той, которая была на лицѣ куклы, помѣщенной на погребальномъ ложѣ. Если дѣвушка-патриціанка, выходя замужъ изъ одного рода въ другой, наряду съ другимъ приданымъ приносила мужу также изображенія своихъ предковъ, то и здѣсь

возможно говорить только о копіяхъ, которыя спеціально изготовлялись по этому случаю.

Какъ далеко проникало въ императорскій періодъ, при радикально измѣнившихся условіяхъ жизни римской знати, употребленіе погребальныхъ масокъ и imaginum предковъ, какъ долго еще сохранялась живучесть этого обычая, трудно сказать съ достовѣрностью, потому что христіанство скоро начало подтачивать старые языческіе устои, хотя сами христіане на крышкахъ гробницъ своихъ въ катакомбахъ помѣщали иногда, по языческому обычаю, портретъ покойнаго. Строгость культа предковъ пала, но въ тоже время у разныхъ выскочекъ и отпущенниковъ явилась мода выставлять изображеніе такихъ предковъ, о которыхъ они и сами не имѣли понятія; притомъ измѣнился и самый характеръ этихъ *imagines*: они какъ-бы опошлились. Въ одномъ мѣстѣ своей „Естеств. Исторіи“ (*Natur. Hist.*, XXXV, 4) Плиній жалуется уже, что въ его время совершенно исчезло употребленіе раскрашенныхъ восковыхъ масокъ, съ помощью коихъ сохранялся на вѣки чрезвычайно точный образъ (figura) почившаго; вмѣсто нихъ начали появляться въ процессіяхъ бронзовые медальоны и серебряныя маски, приготовлявшіеся безъ всякой точности, съ большимъ отступленіемъ отъ оригинала, сильно идеализированные. Дѣйствительно, случаи нахожденія въ могилахъ такъ называемыхъ погребальныхъ шлемовъ и масокъ на шарнирахъ для всей головы нерѣдки; а если они дѣйствительно имѣли погребальное значеніе, т. е. украшали куклу умершаго на погребальномъ ложѣ или надѣвались актеромъ, шедшимъ впереди похоронной процессіи, то это служитъ наглядымъ комментаріемъ къ словамъ Плинія. Очень можетъ быть, что новѣйшія археологическія находки помогутъ окончательно рѣшить нѣкоторыя темныя доселѣ частности въ вопросѣ объ употребленіи погребальныхъ масокъ. Одно, на мой взглядъ, несомнѣнно, что по мѣрѣ того, какъ употребленіе масокъ падало (въ началѣ нашей эры) на

территоріи классическихъ народовъ, оно распространялось вглубь Азіи, тронутой греческою культурой со временъ Александра Македонскаго, и проникло даже въ сѣверные предѣлы азіатскаго материка, что̀ подтверждается находкой А. В. Адріанова.

Тѣ или иныя мѣры консервированія трупа, а въ частности—заботы о сохраненіи на долгій срокъ въ неизмѣняемомъ видѣ лица покойника, наблюдаются въ теченіе всей христіанской эпохи. Но дороговизна самаго способа вынуждала примѣнять его въ крайне рѣдкихъ случаяхъ,—только для вѣнценосныхъ покойниковъ, лицо которыхъ кромѣ того покрывалось тонкимъ слоемъ воска и слегка раскрашивалось. Во Франціи было принято выставлять тѣло короля для поклоненія на продолжительный срокъ (8—9 дней). При этомъ бальзамированный трупъ помѣщали въ закрытомъ гробу на катафалкѣ, а поверхъ гроба клали куклу съ восковой маской на лицѣ; рѣже эта маска клалась на самое лицо трупа. Большое собраніе подобныхъ масокъ, которыя могли бы составить цѣлую галлерею пластическихъ портретовъ, находилось въ аббатствѣ Сенъ-Дени, гдѣ погибло во время революціи. Еще и теперь при нѣкоторыхъ дворахъ, помимо бальзамированія, примѣняется покрытіе лица воскомъ и раскрашиваніе. Приведу два новѣйшихъ подобныхъ примѣра, нѣсколько выдающихся по своей оригинальности.

Газета *Neue Freie Presse* (18 янв. 1878) сообщала, что бальзамированный трупъ короля Виктора Эммануила выставленъ былъ для поклоненія въ Квириналѣ у стѣны стоймя (почти отвѣсно) и производилъ впечатлѣніе куклы съ восковымъ лицомъ.

Въ № отъ 25 августа той же газеты описывается погребеніе вселенскаго константинопольскаго патріарха Іоакима II. Усопшій не былъ положенъ въ гробъ, но возсѣдалъ въ полномъ патріаршемъ облаченіи изъ бѣлой парчи, съ митрой на головѣ, на богато украшенномъ престолѣ, надъ спинкой

коего укрѣпленъ былъ двуглавый орелъ, нѣкогда гербъ византійскихъ василевсовъ. Самый тронъ поставленъ былъ на высокой эстрадѣ, и въ такомъ видѣ совершенъ былъ выносъ тѣла патріарха изъ его покоевъ, гдѣ оно простояло нѣсколько дней, чрезъ весь городъ до собора, гдѣ происходило отпѣваніе. Въ соборѣ тронъ поставленъ былъ въ придѣлѣ, для удобства вѣрующихъ, приходившихъ поклониться праху почившаго іерарха, а самое погребеніе совершено было на другой день". Корреспондентъ считаетъ невозможнымъ, чтобы вся эта церемонія продѣлана была съ настоящимъ трупомъ въ самую сильную лѣтнюю жару: для этого необходимо было бы, говоритъ онъ, туго забинтовать все тѣло и принять вообще чрезвычайныя мѣры.

Но мы знаемъ, что въ православіи не принято имѣть дѣло съ куклой и надъ ней совершать всѣ погребальные обряды. Даже погребеніе обыкновеннаго епископа совершается у насъ на 5-й, 6-й и даже 9-й день, если разложеніе трупа не идетъ слишкомъ быстро. Различные ароматы, омываніе тѣла деревяннымъ масломъ и затыканіе ноздрей способствуютъ въ извѣстной степени болѣе продолжительному сохраненію трупа. Итакъ, мы можемъ утверждать, что на тронѣ возсѣдала не кукла, а трупъ іерусалимскаго патріарха. Сидячее положеніе знатнаго покойника намъ извѣстно изъ отдаленнаго прошлаго: такъ хоронились норвежскіе короли, такъ погребенъ былъ въ Хильдесгеймѣ Карлъ Великій.

Вотъ все, что можно сказать объ употребленіи погребальныхъ масокъ. Мой очеркъ столь же отрывоченъ, какъ отрывочны вообще всѣ археологическія данныя на этотъ счетъ. Тѣмъ не менѣе я вправѣ, какъ кажется, сказать, что послѣ цѣлаго ряда приведенныхъ мною фактовъ и свидѣтельствъ, значеніе погребальныхъ масокъ нѣсколько выясняется, и намъ нѣтъ нужды останавливаться въ нѣмомъ изумленіи при новой находкѣ подобнаго рода.

Все вышеизложенное даетъ намъ поводъ сдѣлать нѣкоторые выводы, которые мы сводимъ къ слѣдующимъ положеніямъ.

1) Употребленіе погребальныхъ масокъ тѣсно связано съ загробными вѣрованіями, но у однихъ народовъ связь эта выражена сильнѣе, у другихъ слабѣе.

2) Маска должна была помогать умершему благополучно достигнуть загробнаго міра, придавая ему видъ существа высшаго порядка и охраняя его отъ опасныхъ встрѣчъ съ демонами; такимъ образомъ маскѣ приписывалось чудодѣйственное, волшебное значеніе.

3) Пока трупъ выставленъ былъ для поклоненія, маска облагороживала черты покойника, скрывала слѣды гнилостнаго процесса на потемнѣвшемъ лицѣ и производила впечатлѣніе, будто почившій продолжаетъ еще жить, сохраняя черты лица неизмѣнными.

4) Маска охраняла въ могилѣ покой мертвеца, особенно если ей приданы были сверхчеловѣческія черты.

5) Болѣе или менѣе точно передавая черты покойнаго, маска служила объектомъ поклоненія долгое время спустя послѣ похоронъ, замѣняя собою статуарное изображеніе покойника или его маскоидъ.

6) Маска должна была облегчать душѣ возможность отыскать тѣло, хотя бы подвергшееся уже тлѣнію, и помочь соединиться съ нимъ для новой жизни послѣ воскресенія.

7) Наличность археологическихъ данныхъ заставляетъ признать, что египтяне раньше другихъ начали примѣнять погребальныя маски; у нихъ заимствовали этотъ обычай финикіяне и распространили его всюду, гдѣ имѣлись ихъ торговыя факторіи.

8) Въ Сибири, на берегахъ Енисея, видимъ мы любопытное сочетаніе маскоида и маски въ одной могилѣ. Если

первый легко можно связать съ культомъ череповъ, то маска невольно уноситъ насъ въ страны древнѣйшей міровой культуры, откуда этотъ погребальный пріемъ распространился въ глубь Азіи.

С. К. Кузнецовъ.

Москва.
Январь 1906 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

